

Перова Елена Анатольевна

ОСОБЕННОСТИ ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА ПЕРИОДА ХРУЩЕВСКОЙ "ОТТЕПЕЛИ"

В статье анализируются особенности формирования газетного дискурса и масс-медийной картины мира в 1953-1964 гг. под влиянием социально-экономических и политико-идеологических изменений, произошедших в советском государстве. Выявляются сходства и различия газетного дискурса периода хрущевской "оттепели" и газетного дискурса тоталитарной эпохи. Определяются структурно-семантические особенности газетного дискурса исследуемого времени. Дается обоснование ведущей роли деревенской тематики на страницах газет в указанный период.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-2/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 2. С. 140-143. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

В статье анализируются особенности формирования газетного дискурса и масс-медийной картины мира в 1953-1964 гг. под влиянием социально-экономических и политико-идеологических изменений, произошедших в советском государстве. Выявляются сходства и различия газетного дискурса периода хрущевской «оттепели» и газетного дискурса тоталитарной эпохи. Определяются структурно-семантические особенности газетного дискурса исследуемого времени. Дается обоснование ведущей роли деревенской тематики на страницах газет в указанный период.

Ключевые слова и фразы: дискурс; газетный дискурс периода хрущевской «оттепели»; картина мира; масс-медийная картина мира; СМИ.

Перова Елена Анатольевна

*Кубанский государственный университет, г. Краснодар
enja10@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА ПЕРИОДА ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»

Период 1953-1964 гг. известен в истории советского государства как «славное десятилетие», «великое десятилетие», однако наибольшую популярность получило наименование хрущевская «оттепель», или «оттепель» шестидесятых. И это неслучайно. После смерти И. В. Сталина началось постепенное «оттаивание» от страха и несвободы, складывались предпосылки духовного пробуждения общества. Можно сказать, что выступление Н. С. Хрущева с докладом «О культе личности и его последствиях» ознаменовало своего рода освобождение от тяжелого груза прошлого. «Потепление» общественного климата закономерно началось с литературы, публицистики, прессы, аккумулировавших лучшие умы современности: как правило, это были люди (ставшие впоследствии «властителями дум»), прошедшие войну и остро чувствовавшие психоисторическое состояние общества [15, с. 152], способные отреагировать на перемены живым и действенным словом.

В моменты «осевых сдвигов», острых социальных потрясений (каким и явился период хрущевской «оттепели») «слово, речь, пропаганда обретают особо важное историческое значение» [12, с. 324-325]. Значимым для нашего исследования выступает тот факт, что все перечисленные составляющие сосредоточиваются именно в прессе, способной молниеносно реагировать на малейшие сдвиги в социальном поведении, направлять, мобилизовать общество. И, надо сказать, что в указанный период печать, пусть и не освободившаяся от идеологического, цензурного контроля (в вопросах идеологии Н. С. Хрущев называл себя сталинистом, отчего возникло своего рода несоответствие между представлениями некоторой части творческой интеллигенции и политикой партии относительно целей и задач словесного творчества [14, с. 294]), все же помогала людям ориентироваться в действительности, понимать весь масштаб совершающихся перемен. Именно по этой причине пресса периода хрущевской «оттепели», представленная газетным дискурсом как флагманом во всей системе СМИ, вбирающим разножанровые материалы, попала в фокус нашего внимания. Цель предпринятого в данной работе анализа – выявить, какие изменения претерпел газетный дискурс в период 1953-1964 гг. с точки зрения концептов, тематики, структуры, семантики; определить, как эти особенности повлияли на формирование маркированной им масс-медийной картины мира советского человека.

Печать представляет собой наиболее общий способ раскрытия духовного бытия индивидов. Одна из самых ярких особенностей журналистики периода хрущевской «оттепели» – это смена парадигмы мышления, отмеченная движением от идеологической к гуманитарной. Наглядными и весомыми становятся принципы социализма: *Все для советского человека, Быть ближе к человеку* – такова преобладающая тональность публикуемых материалов. В отличие от сталинской эпохи, где для простого человека с его житейскими заботами не было места, в хрущевский период именно личность выходит на первый план: *«Время такое... Человек на первом плане»* [10, с. 2]; *«Человек – в центре внимания»* [13, с. 2]; *«Но главное ведь – люди»* [2, с. 2]; *«Люди украшают землю»* [20, с. 2] и пр.

Как закономерное явление, газетный дискурс наводнился материалами, посвященными рядовым советским гражданам, которые, к слову сказать, раньше не привлекали внимания журналистов. Считалось, что в рассказе о них нет ничего интересного. Однако, став главным объектом изображения, человек (рабочий, крестьянин, работник партийного аппарата низшего звена и пр.), как и прежде, показывался исключительно в процессе общественно-полезного труда (то есть все «личное» давалось в преломлении «общественного») – следствие того, что социалистический реализм оставался главенствующим течением художественного творчества. Но писателям, журналистам удавалось все же показать «не труд, а личность, облагораживающую этот труд», «дать живой образ этого человека, нарисовать картину человеческих отношений, показать жизнь в ее богатстве и сложности» [15, с. 111, 112]. Исследователь А. В. Марущак отмечает, что, в отличие от предшествующего периода, героем публикации теперь не обязательно становился человек положительный. Открыто говорилось: в основе трудовой активности человека – стремлении выполнить несколько норм за одну смену – могут лежать различные побуждения и мотивы, «и если мотив героя, перевыполнившего план, или цена, которую он заплатил за это, оказывались неэтичными, то он становился отрицательным персонажем, объектом критики со стороны публициста» [Там же, с. 111].

Одной из характерных примет хрущевского времени является дискуссионность в отношении общественно значимых проблем, которая выражалась в большей свободе авторского изложения мыслей. В период «оттепели» наметился тематический сдвиг: вместо главенствующей ранее политико-идеологической тематики на страницы газет приходят вопросы социально-экономической значимости. Особую актуальность приобретает подъем сельского хозяйства. В частности, открыто разоблачаются прежние прочно укоренившиеся методы руководства в деревне (об этом свидетельствует, к примеру, большое количество заголовков, эксплицитно или имплицитно передающих отрицательную модальность: *«Нельзя так руководить колхозами»* [5, с. 2]; *«О фактах грубых нарушений и извращений в практике планирования колхозного и совхозного производства»* [16, с. 1]; *«Заседательская суетня»* [19, с. 2]), на смену которым приходит осознание необходимости более внимательного и бережного к ней отношения.

Причины актуализации деревенской темы на страницах массовой печати в хрущевскую эпоху следует искать в предшествующем историческом периоде: в послевоенные годы на плечи сельского населения легло тяжелое бремя восстановления народного хозяйства. Находясь в крайне бедственном положении, нуждаясь в помощи и поддержке, крестьянство «проявило самоотверженность, терпение и патриотизм, отдавало последнее, чтобы прокормить разоренную страну» [Цит. по: 7, с. 27]. И, несмотря на все тяготы и лишения, каждый житель деревни, равно как и весь народ, вступал в мирный период, исполненный энтузиазма. Естественным желанием людей, понесших невосполнимые потери в годы войны, трудившихся на пределе своих возможностей, было изменить свою жизнь и жизнь своей страны к лучшему, компенсировать перенесенные ужасы и страдания. При этом у людей «от земли» было четкое осознание, что только усердным трудом достигается право на светлое будущее, однако большие надежды возлагались и на разумную политику со стороны государства [3, с. 37]. Но в период 1945-1953 гг. в среде сельского населения все прочнее укоренялось убеждение, что «в колхозе нет жизни» – мысль, которая заполнила социальное пространство деревни, звучала в письмах, беседах односельчан, не ускользала она и от чуткого уха осведомителей. Бесплодными оказались надежды крестьянства на то, что колхозы ликвидируют или, по крайней мере, ослабят налоговое бремя. «Вместе с осознанием этого факта соответствующим образом изменился настрой деревни: уже не надеясь на то, что в сельской жизни могут произойти какие-либо положительные перемены, многие крестьяне видели только один выход из положения – бежать из колхоза» [9, с. 67]. Ольга Берггольц, посетив в мае 1949 г. одну Новгородскую деревню, так описывает в дневнике свои впечатления о проведении посевной кампании: *«Первый день моих наблюдений принес только лишнее доказательство к тому же: полное нежелание государства считаться с человеком, полное подчинение, раскатывание его собой... Весенний сев, таким образом, превращается в отбывание тяжчайшей, почти каторжной повинности: государство нажимает на сроки и площадь, а пахать нечем – нет лошадей (14 штук на колхоз в 240 дворов) и два в общем трактора. И вот бабы вручную, мотыгами и заступами, поднимают землю под пшеницу, не говоря уже об огородах... Вчера видела своими глазами, как на женищинах пахут. Репинские бурлаки – детский сон»* [1, с. 162].

И без того удручающее положение крестьян усугублялось мощным идеологическим насилием, давлением на сознание людей (огромное количество лекций, бесед на общественно-политические темы, организация книжных выставок идеологической направленности и т.д.), целью которого было очернить в сознании сельского населения строго определенный круг вопросов и проблем, необходимых для обязательного исполнения: неустанно бороться с врагами социализма, преодолевать любые трудности, если нужно, терпеть лишения; народ следовало приучить воспринимать такую жизнь как необходимую неизбежность, временное явление на пути к светлому будущему [3, с. 182]. Неудивительно поэтому, что хрущевские реформы были восприняты в среде крестьянского населения как глоток чистого воздуха, как, пусть и недолгую, но все же возможность почувствовать себя людьми (выдача паспортов, строительство жилья и пр.).

Надо сказать, что прежние механизмы управления общественными настроениями оказались несостоятельными в период хрущевской «оттепели». Новое руководство во главе с Н. С. Хрущевым осознавало необходимость решения «наболевших» вопросов в аграрном секторе, однако нужно было с чего-то начать. Требовался своего рода «посредник» между властью и народом. В этой роли выступило публицистическое слово.

Возмутителем спокойствия, в особенности в деревенской среде, стали очерки В. Овечкина, напечатанные сначала в журнале «Новый мир», а затем появившиеся и в газете «Правда». Проблемы, которые поднимал автор, по сути своей были не новы, однако новой оказалась сама откровенность, с которой Овечкин излагал вопросы, связанные с методами руководства в деревне, взаимоотношениями начальника и подчиненных в трудовом коллективе, отношением крестьянина к труду и земле в новых условиях и т.д. [9, с. 214-215]. Можно сказать, что писатель прервал «порочную эстафету» приукрашивания положения дел в сельском хозяйстве, положив начало осознанию, что настало время писать «по-другому».

Журналисты и публицисты перестали довольствоваться только схемами, цифрами, данными, заслоняющими настоящую жизнь и живого человека. Отныне провозглашалась проверка всего и вся только опытным путем: лично выехать на место и повстречаться с героем будущего материала – такова была задача. Однако для успешного движения к коммунизму пресса, являвшаяся главным идеологическим помощником партии, не должна была однобоко показывать жизнь: неэффективным признавалось обличать одни отрицательные стороны положения дел в деревне или же, наоборот, излишне «лакировать» действительность, что характеризовало, к примеру, газетный дискурс сталинской эпохи, с его упрощенным изображением человека.

Однако, зажатые в тиски идеологии, находящиеся под прицелом цензуры, журналисты не могли открыто проводить параллель между политикой партии и упадком в деревне, поэтому изыскивали способы «говорить

так, чтобы мысль была ясна, но чтобы слова для нее находил читатель» [6, с. 81]. Вообще, в указанный период читатель учился искать смысл между строк. Отметим присутствие в текстах газетного дискурса так называемой «метеорологической лексики». Такие единицы, как «оттепель», «весна», «свет», «солнце», «тепло», «теплый ветер» и др. призваны были сформировать образ положительных преобразований, совершающихся в 1950-1960-е гг., и, напротив, часто соседствующие с ними в контексте «зима», «холод», «лед», «снег» и пр. вызывали у читателей ассоциацию с недавним прошлым, с косностью, отсталостью, отсутствием радостных перспектив и т.д.: «*Дыхание весны все явственней чувствуется в звонкой капели, в журчании вешних вод, в заботах и волнениях хлеборобов. Идет весна больших надежд и свершений*» [8, с. 3]; «*Дело не в форме – в существе. Надо же как-то ломать лед*» [17, с. 3]; «*По доброй традиции советских людей принимали хлеборобы эстафету соревнования и донесли ее до наших светлых и солнечных дней*» [20, с. 2] и т.д.

Исследователь А. В. Марущак даже говорит о феномене смысловывявляющих текстов публицистики хрущевского времени, в которых активно применялся заимствованный из экзистенциализма принцип «ключевых слов» (выявляются такие знаковые символы, как *человек, люди, душа, сердце, труд, руки* и пр.), переосмысленный в соответствии с советской ментальностью и реалиями и помогающий авторам вести доверительную беседу со своим читателем. Ученый убедительно доказывает, что в указанный период зарождается новый тип художественного творчества – «публицистики нравственных исканий», занимающейся исследованием человеческой души, мотивации поступков в различных «пограничных ситуациях». В качестве объективных предпосылок автор указывает внутри- и внешнеполитические преобразования, проводимые партийным руководством, которые требовали освещения в средствах массовой информации; как субъективные – появление в журналистике людей, обладавших наибольшей чувствительностью к «изменениям глобального характера» [15, с. 152].

Таким образом, газетный дискурс периода хрущевской «оттепели» в общих чертах следовал политико-идеологическим тенденциям и установкам советского времени: культ труда, преобладание «общественного» над всем «личным», стремление к светлому будущему, воплощенному в коммунизме и пр. По-прежнему сохраняется присутствие дискурсообразующих структурно-семантических элементов (к примеру, ведущая роль партии), определяющих заданность и регулярную воспроизводимость газетной речи.

Однако пресса исследуемого периода отмечена такими чертами, как дискуссионность в освещении ряда проблем, в частности вопросов подъема сельского хозяйства, стиля руководства в деревне, отношения между членами трудового коллектива и т.д.; более открытый характер публикуемых материалов, более свободная манера общения автора с читателями (самостоятельность и инициатива, которые так приветствовались новым политическим курсом, нашли отражение и в замене живым и деятельным «я» в публицистических текстах бездушного, обезличенного «мы»); освещение находящихся ранее под строгим запретом тем (генетика, кибернетика и пр.) [18, с. 95]. При этом нужно оговорить, что степень свободы слова в обозначенный период строго очерчивалась в соответствии с существующим политическим курсом и его установками.

В качестве тематического авангарда выступает деревенская тема, активизация которой в газетном дискурсе была обусловлена упадком аграрного сектора к началу 1950-х гг., а также значимостью сельского хозяйства для дальнейшего успешного существования всего советского государства; стратегией приравнять крестьянство к рабочему классу, устранить видимые различия между городом и деревней (содержащей вполне конкретную, как считают многие исследователи хрущевской «оттепели», идеологическую подоплеку – устранить крестьянство как самую многочисленную прослойку).

Тема деревни была необычайно популярна в указанный период, что объяснялось, с одной стороны, значимостью этого понятия для общества, с другой стороны, аргументом в пользу популярности сельской темы, актуальным не только в указанное десятилетие, будет служить то обстоятельство, что, к примеру, публицисты, интересы которых были сфокусированы в промышленной сфере, пусть даже их очерки достигали высокого интеллектуального накала, все же писали, как кажется, более рационалистично, нежели «ученики деревенской школы», даже в том случае, когда последние сосредоточивали внимание на тракторах, комбайнах или механизмах экономики – вещах совершенно бесплотных. Возможно, так происходит оттого, что «художественная экономика», как назвал повествования о крестьянстве Ю. Черниченко, «синкретизм художественного и рационального начал в литературе о селе связаны корнями с сохранившимися до наших дней – и исчезающими на наших глазах – особенностями народной культуры и крестьянского производства» [Цит. по: 4, с. 25]. Иными словами, журналисты, публицисты, писатели затрагивали своими текстами струны народной души, заставляли думать, переживать, искать, обсуждать, действовать.

На смену бездушным технологиям, превращавшим личность в «винтик» в сталинское время, как уже говорилось, на страницы газет приходит живой человек, обладающий своим характером, привычками, устремлениями. М. Кузнецов назвал это время «расцветом личности советского человека», «периодом нового самосознания советского общества» [11, с. 234-235]. Быть ближе к жизни и человеку – такова общая интенция журналистских текстов. Хрущевская эпоха привнесла, в частности посредством газетного дискурса, в картину мира советского человека такие ключевые семиотические коды, как *человек, личность, душа, сердце, творчество, труд, ответственность* и др.

Стоит отметить, что масс-медийная картина мира накладывала отпечаток на картину мира советского человека в целом, формируя образ восприятия окружающей действительности и вырабатывая алгоритм мышления, а впоследствии и действий, необходимых для дальнейшего существования в сложившихся социальных условиях.

Список источников

1. Берггольц О. Из дневников (май, октябрь 1949 г.) // Знамя. 1991. № 3. С. 160-172.
2. Бутурлакин П. Золотой поток // Сельское хозяйство. 1954. 7 сентября.
3. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х. М.: Наука, 1992. 224 с.
4. Вильчек Л. Ш. Пейзаж после жатвы. Деревня глазами публицистов. М.: Советский писатель, 1988. 309 с.
5. Воробьев А., Полехин А. Нельзя так руководить колхозами // Сельское хозяйство. 1954. 19 декабря.
6. Герцен А. И. О развитии революционных идей в России. М.: Художественная литература, 1958. 160 с.
7. Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М.: Издательство политической литературы, 1987. 63 с.
8. Жигалко Т. В ногу с передовыми // Правда. 1964. 2 апреля.
9. Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М.: РОССПЭН, 2000. 232 с.
10. Кузменко С. Быстрина // Правда. 1964. 19 декабря.
11. Кузнецов М. Новое в жизни и литературе // Новый мир. 1961. № 10. С. 229-245.
12. Лотман Ю. Внутри мыслящих миров: человек-текст-семиосфера-история. М.: Языки русской культуры, 1999. 458 с.
13. Луняков П. Человек – в центре внимания // Сельская жизнь. 1964. 25 декабря.
14. Лурье Л., Мальярова И. 1956 год. Середина века. СПб.: Издательский дом «Нева», 2007. 640 с.
15. Марущак А. В. Отечественная публицистика периода «оттепели» (1953-1964 гг.): дисс. ... к. филол. н. Барнаул, 2009. 175 с.
16. О фактах грубых нарушений и извращений в практике планирования колхозного и совхозного производства // Известия. 1964. 24 марта.
17. Овечкин В. Своими руками // Правда. 1954. 27 августа.
18. Стровский Д. Л. Отечественные политические традиции в журналистике советского периода. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. 246 с.
19. Сынзыныс И., Серегин А. Заседательская суетня // Сельское хозяйство. 1954. 1 сентября.
20. Третьяков Т. Люди украшают землю // Правда. 1964. 30 апреля.

THE PECULIARITIES OF NEWSPAPER DISCOURSE OF KHRUSHCHEV THAW PERIOD

Perova Elena Anatol'evna
Kuban State University, Krasnodar
 enja10@mail.ru

In the article the peculiarities of the formation of newspaper discourse and mass media worldview in 1953-1964 under the influence of socio-economic and political-ideological changes that occurred in the Soviet state are analyzed. Similarities and differences in the newspaper discourse of Khrushchev thaw period and the newspaper discourse of the totalitarian era are revealed. Structural and semantic features of the newspaper discourse of the time under consideration are identified. The substantiation of the leading role of the village theme in the pages of newspapers during the indicated period is given.

Key words and phrases: discourse; newspaper discourse of Khrushchev thaw period; worldview; mass media worldview; mass media.

УДК 811.111'42:35.075.31(73)“312”

Статья посвящена репрезентации образа Дональда Трампа в современном британском медиадискурсе политической направленности. С целью выявления оценочных суждений, заложенных в сообщениях британского медиадискурса, рассматриваются примеры наиболее частотно употребляемых коммуникативных стратегий и лингвистических средств, применяемых журналистами в оценивании действий американского президента. На основании анализа изданий “The Telegraph”, “The Big Issue”, “The Morning Star” устанавливается, что их авторы формируют у читателя устойчивый негативный образ политика.

Ключевые слова и фразы: политический дискурс; дискурс массмедиа; медиатекст политической направленности; коммуникативные стратегии и тактики; образ политика.

Пономарева Екатерина Валерьевна, к. филол. н.
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
 ponomar_kitty@mail.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ДОНАЛЬДА ТРАМПА В БРИТАНСКИХ
 МЕДИАТЕКСТАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

Современные лингвистические исследования часто обращены к теории дискурса как к теории, обладающей высоким гносеологическим потенциалом благодаря возможности учета как собственно лингвистических, так и социокультурных, психологических детерминант. Многообразие экстралингвистических факторов, влияющих на процесс коммуникации и текстопорождение, обуславливает разнообразие дискурсов.